12.06.2022 / 20:24

«Мы выйдзем шчыльнымі радамі». Подробности происходящего на процессе Автуховича впечатляют и заставляют задуматься

Уже несколько недель в гродненской тюрьме судят Николая Автуховича и его десятерых «соратников». Процесс формально открыт, но на деле попасть на заседание могут только отдельные — не все, а единицы — родственники обвиняемых и пропагандисты. Последние и освещают процесс: в стилистике 1930-х, издеваясь над людьми в клетках. При лукашизме сто процентов политических процессов заканчиваются обвинительным приговором, оправдаться невозможно, результат суда предрешен. Но суд дает людям хоть какую-то ограниченную возможность послать «сигналы на свободу», высказать что-то важное. «Наша Ніва» собрала максимум свидетельств о происходящем на суде.

Коротко напомним, кого судят. Это бывший волковысский предприниматель Николай Автухович, его выставляют лидером террористической группировки. Его обвиняют по десятку статей УК, шесть из них особо тяжкие (среди которых акт терроризма, покушение на захват власти, создание преступной организации, измена государству).

Кроме Автуховича обвиняемые — это православный священник Сергей Резанович, его жена Любовь и сын Павел, пенсионерка Галина Дербыш, инвалид-афганец из Барановичей Владимир Гундарь, Ольга Майорова из Крупского района, пенсионерка Ирина Мельхер и ее сын Антон, а также Ирина Горячкина, Виктор Снегур и Павел Савва.

Еще один из предполагаемых участников — Артур Попок — находится в розыске, он сумел нелегально перейти границу.

Людям вменяют поджог пустого дома в Волковыске и двух машин — и недвижимость, и машины принадлежали милиционерам, которых подозревали в причастности к политическим репрессиям и покрывании фальсификации выборов.

Отличие дела Автуховича от многих других аналогичных процессов в том, что «группировку Автуховича» выставляют террористической ячейкой, созданной под контролем украинских спецслужб. Аналога в этом смысле нет.

Кроме того, Автуховича и Майорову обвиняют в создании телеграм-канала «ДаВолі!», где, согласно следствию, публиковалась «экстремистская» информация, призывы к протестам и к насильственному захвату власти.

Всего людей обвиняют аж по 15 статьям УК в зависимости от «роли». Среди статей у многих и терроризм, и заговор с целью захвата власти, и участие в преступной организации. На Антона Мельхера не нашлось ничего, кроме нескольких фотографий с брестского хоровода в августе 2020 года — в результате парня судят только по «народной» 342 статье (действия, грубо нарушающие общественный порядок).

Особенность дела также в том, что среди обвиняемых в терроризме и инвалиды, и пенсионеры. Галина Дербыш — пенсионерка, больная онкологией. Имеет инвалидность второй группы. Такая же инвалидность и у Михаила Гундаря — у него нет ноги. Он передвигается с помощью костылей, но на суде их забирают конвоиры.

В клетке Гундарь сидит без костылей, но даже без них, если требуется встать — вынужден подниматься.

Ирина Мельхер тоже пенсионерка.

Судья на процессе — Максим Филатов. Он известен в первую очередь тем, что осудил на 5 лет колонии Витольда Ашурка — политзаключенный погиб в заключении. Проходила информация об

уголовном деле, заведенном за то, что кто-то подложил в рюкзак лидскому судье фекалии — речь шла как раз о Филатове.

Один из обвиняемых, Владимир Гундарь, 20 мая 2021 года был приговорен по статье 366 УК (насилие либо угроза в отношении должностного лица) к трем годам лишения свободы в колонии общего режима.

«Зверье в клетке»

Рассмотрение дела «группировки Автуховича» началось 18 мая. Отрывки публикуются в государственных СМИ и личных телеграм-каналах некоторых журналистов. Государственные пропагандисты пишут об обвиняемых в стилистике нацистской прессы времени «поджога Рейхстага» и советской прессы 1937-го.

В лукашенковской «СБ» Людмила Гладкая называет людей на скамье подсудимых «зверьем в клетке», Автуховича — «хероем».

Она радуется, что в суд не пускают публику: «Рецидивист Николай же надеялся, что к нему в суд толпы повалят. Ну хоть западные дипломаты, судебные карусельщики».

Суд, напомним, проходит в помещении тюрьмы Гродно. Процесс номинально открыт, но попасть туда малореально.

Даже родственников на процесс не всегда пускают — зависит от «правил», которые меняются без всякой причины. На некоторые заседания решили пускать четырех родственников. После, непонятно почему, — только двоих.

На суде обвиняемые сидят в разных клетках. Две общие, две отдельные. В отдельных — Николай Автухович и почему-то жена священника Любовь Резанович.

Во время процесса видно, что матушке Любови тяжело в маленьком стакане. Она иногда вздыхает: «Боже, дай мне силы это все вытерпеть». Однажды она просто произнесла: «Зачем вы меня сюда таскаете? Чтобы эту чушь слушать?» Также Резанович часто обращается к медикам.

Однажды плохо стало и Ольге Майоровой. Но в целом люди стараются держаться.

Спел в клетке «Мы выйдзем шчыльнымі радамі»

Владимира Гундаря вместе с Николаем Автуховичем удаляли на первом же заседании из зала суда — якобы за нарушение порядка.

Оказалось, Гундаря удалили за гимн БНР. Автуховича — так как просил помочь женщине.

Известно, что Гундар разговаривает в суде на белорусском языке. И на первом же заседании он комментировал процесс, а после перерыва сразу начал петь гимн Белорусской Народной Республики: «Мы выйдзем шчыльнымі радамі».

Судья тогда внимательно дослушал — и приказал, чтобы Гундаря вывели.

Николая Автуховича также удалили с первого заседания. Любови Резанович было плохо, Автухович требовал, чтобы привели доктора для нее. Закончилось удалением самого Николая Автуховича.

Правда, по просьбе прокуроров на следующее заседание и Автуховича, и Гундаря вернули в клетки.

Когда Владимиру Гундарю зачитывали его обвинение, он выслушал, с трудом встал и сказал судье: сейчас прочитаю стихотворение!

Владимир Гундарь

Зачитал он стихотворение Анатолия Сыса:

«Крыжавалі крумкача за колер чорны
дый гадалі: а якая ў яго кроў?
— Чорная! — прамовіў кат вучоны.
Чорная, нібы яго крыло.

Крыжавалі лебедзя за колер белы
дый гадалі: а ў яго якая кроў?
І забілі цьвік, і кроў пабегла
барваю на белае крыло.

— Чорная! — ускрыкнуў кат вучоны.
— гэткіх д’яблаў з крыжа не знімаць!
Чорная! Таму што сам ён чорны,
а за гэта грэх не крыжаваць».

Впоследствии Гундар добавил, что не согласен с обвинениями. В этот раз его удалять не стали.

Также на белорусском в суде разговаривает Майорова: но она иногда повторяет сказанное на русском, чтобы ее поняли прокуроры и все другие.

Известно, что ни Автухович, ни Гундарь свою вину не признали. Отказались и от сотрудничества со следствием. Даже сейчас, на суде, Владимир Гундарь не захотел говорить с прокурорами, отвечал только на вопросы своего адвоката.

Также Гундарь рассказал, что его били при задержании сотрудники Комитета государственной безопасности: «Меня били люди в штатском. После каждого отрицательного ответа на требование признать себя последователем и соучастником Автуховича меня били по голове.

Постоянно спрашивали: «Зачем тебе тратить время, рисковать жизнью своей семьи за какого-то Автуховича, который уже давно дает показания?»

Перегородка исчезла

Все ходатайства прокуроров традиционно принимаются судом. Ходатайства обвиняемых или их адвокатов отклоняются. Иногда возникают вообще непонятные ситуации: невестка Резановичей присутствовала на нескольких заседаниях, после ее удалили из зала суда, объявив, что она получает статус свидетеля и не может присутствовать. О ее статусе свидетеля не знала ни сама женщина, ни адвокаты Резановичей.

Резановича-младшего, бывшего работника органов внутренних дел, обвиняют в сливе данных. При этом в обвинении была фраза, что в деле о сливе фигурируют также «1 300 неустановленных лиц».

Был еще интересный момент.

Прокурор обратил внимание, что у Антона Мельхера есть какой-то друг, имевший административные нарушения в 2018 году. И попросил приобщить эту информацию к делу. Адвокаты выступили против — какое отношение это имеет к сегодняшнему процессу? Но судья прислушался к прокурорам и приобщил к делу информацию о друге Антона.

Обвиняемые жаловались на то, как с ними обращались следователи, на условия, в которых их содержат сейчас.

Николая Автуховича перед судом поместили в камеру, где было много тараканов.

В начале суда между двумя большой клетками, в которых находятся обвиняемые, поставили металлическую перегородку, чтобы люди не могли видеть друг друга.

В общем, вся эта театральность — отдельные клетки для немолодых женщин, десятки охранников — часть замысла, чтобы создать впечатление, что судят террористов.

Ходатайства обвиняемых убрать ее суд отклонил. Но на следующем заседании перегородка исчезла. Куда подевалась — никто не в курсе! Пропал предмет в режимном объекте!

Ольга Майорова сразу заявила отвод прокурорам: «Я так понимаю, что мою судьбу не решает ни вы, судья, ни прокуроры, а решает кто-то над вами!»

Естественно, отвод отклонили.

«Не доживу до конца приговора»

Известно также, что на процессе прокуроры помогают судье — например, советуют напомнить свидетелям, что они могут не давать показания, вместо этого зачитывают те, которые человек давал раньше в КГБ. Судья прислушивается к этим советам.

Так было якобы с Павлом Савой — он хоть и сидит тут же в клетке, но проходит также как свидетель. Он согласился, что пусть лучше зачитают его прошлые показания, сам он не будет выступать на процессе.

Сава также попросил прощения у людей «по ту сторону перегородки», сообщил, что они не заслуживают того, чтобы там находиться и он желает им оказаться на свободе.

Впоследствии Сава сказал странную фразу: «Я понимаю, что не доживу до конца приговора».

Что это значило — непонятно.

Павел Сава

После Сава попросился в соседнюю клетку. Судья ответил: это решает начальство тюрьмы. Но на следующем заседании пожелание выполнили: Саву поменяли местами с Виктором Снегуром и пересадили в другую клетку.

Как и Сава, «решил» не давать показания священник Сергей Резанович. Зачитали то, что он говорил на допросах в КГБ. Информация о ракете для ликвидации Александра Лукашенко — именно из прошлых показаний его в Комитете госбезопасности.

Также в своих показаниях в КГБ священник Резанович сообщил, что готов сотрудничать со следствием.

Его жена и младший сын — в клетке, на свободе остался старший сын, у которого тяжелая инвалидность.

«Они виноваты только в том, что были со мной знакомы»

Николай Автухович во время суда держится хорошо. Постоянно подает ходатайства, задает вопросы. А когда зачитывают обвинения — прямо в клетке читает книгу, демонстрируя, что считает это чушью.

Когда пришло его время дать показания, Автухович сказал: «Где и когда я родился вы и так знаете, поэтому расскажу о другом». И начал говорить о своем бизнесе (грузоперевозке), как его строил, как впоследствии его потерял. Рассказал о своих уголовных делах.

Также он заявил, что не согласен с формулировкой следствия: сказал, что у него были планы об отстранении от власти действующих ее представителей, но они не носили радикального характера. По словам Автуховича, конечной целью его действий была организация масштабной акции протеста с максимальным количеством людей, но его план не предусматривал пролития крови.

«Полностью вину не признаю. Да, согласен, что какая-то часть правды есть, однако она не касается тех людей, которые сидят вместе со мной в этом зале суда. Они виноваты только в том, что были со мной знакомы. Многие моменты следствия были искажены. Понимаю, что решение по мне уже принято на уровне Лукашенко. Понятно, что весь этот сценарий был спродюсирован КГБ. Но все равно не понимаю, на что рассчитывали следователи, когда думали, что все эти 11 человек побоятся сказать, как все было на самом деле», — сказал Николай Автухович.

Во время допроса он также отметил, что те люди, которые находятся сегодня за решеткой, не являются его соратниками и обвиняются без оснований.

Также он говорил о бесчеловечных условиях, в которых его содержат в гродненской тюрьме.

«Поселили в камеру, которая называлась морозильником. Нас там было два человека, а на решетке был лед. Там я прожил семь месяцев, и только благодаря вмешательству адвоката меня перевели в лучшие условия. Я уже «плююсь легкими»,

— эти слова Николая Автуховича опубликовали в «Советской Белоруссии».

Но, кроме этого, Автухович сказал, что в камере невозможно было высушить одежду, постоянно влажная кровать. Он сказал, что дважды переболел коронавирусом, но никто его не лечил. Это уже сократили.

Во время показаний Автуховича пришло много государственных журналистов.

Когда обвиняемых снимали операторы гостелевидения, Любовь Резанович не промолчала и сообщила им: все, что происходит в суде — неправда, люди ни в чем не виноваты.

Пострадавшие и «пострадавшие»

Интересно, что родственники обвиняемых между собой называют их «потерпевшими».

Официально же потерпевшими по делу считаются милиционеры. Автуховича «с соратниками» обвиняют в поджоге дома и машины в Волковыске в октябре 2020 года и в подрыве машины в Гродно в ноябре 2020. Обе машины и дом принадлежали сотрудникам милиции.

Никто из пострадавших милиционеров на суд не ходит. Известно, что в первый день приезжали двое пострадавших из Волковыска, подписали бумагу, чтобы рассматривали без них и больше на процессе не появлялись.

Один из этих пострадавших — житель Волковыска Анатолий Ковалевич. Он подумал, что горит его машина и побежал к ней так быстро, что при этом порвал сухожилие на ноге. Когда же увидел, что горит машина соседа, то, несмотря на травму, смог перегнать свою машину в другое место.

Анатолий Ковалевич, потерпевший

Теперь Ковалевич, как и хозяева сожженных автомобилей, также хочет компенсацию «за моральный и материальный ущерб».

* * *

10 июня, правозащитникам стало известно, что на суде Николай Автухович пожаловался на состояние здоровья. Он заболел от того, что в камере высокая влажность и очень холодно. В суде объявили перерыв до 13 июня.

Nashaniva.com

ЧИТАЙТЕ ЕЩЕ

«Может, сами побудьте святыми?» Ксендз Лашук ответил на расследование о его связи с «кошельком» Лукашенко, а после удалил пост

Инфоказачка Бондарева теперь учит, как одевать и стричь детей 14

Польские пограничники отказались пустить в страну двух белорусов, которые попросили международной защиты 10

В Новолукомле арестован пастор